

Дмитрий ФУРМАН: УЙДЯ ОСВОБОДИТЬ МЕСТО

Российский президентский режим практически покончил с оппозиционными партиями — и правыми, и левыми. В сложившейся законченной системе безальтернативной власти им нет места. Президенту и его слугам они, естественно, не нужны. Но и избирателям они не нужны, ибо голосовать за партии, которые все равно к власти прийти не могут и поэтому вообще ничего не могут, — только зря расстраиваться.

Режим смог без особого труда покончить и с нашей правой, и с нашей левой оппозицией только потому, что они с самого начала были нежизнеспособны и обречены на раннюю смерть. Их реальной функцией было помочь режиму встать на ноги, а самим умереть.

Роль наших правых в становлении режима — основная и активная. Теперешняя партия власти, конечно, не правая. Она — просто партия власти, как просто партией власти была левая по своему отдаленному генезису КПСС. Но она — такое же прямое эволюционное продолжение движения демократов, победившего в 1991 г., как КПСС была прямым продолжением РСДРП(б). Президент у нас — человек, назначенный преемником самим лидером победивших в 1991 г. «демократов», — преемственность более прямая, чем между Лениным и Сталиным.

Естественно, что пробывшая у власти уже почти 13 лет «партия» «переродилась», и теперешняя правая оппозиция «не узнает» ее, как многие оставшиеся верными «ленинским заветам», вытесненные на обочину и ушедшие в «троцкистско-бухаринские» оппозиции большевики не могли признать своей партией Сталина. Но на путь перерождения она вступила в 1991 г., как большевистская в 1917 г.

Вытесненные из сталинской партии герои 1917 г. говорили о «перерождении», термидоре и бонапартизме, но так и не поняли, что путь к Сталину и их собственный путь к гибели начался с захвата власти революционным меньшинством и разгона «учредилки». И точно так же ушедшие теперь в оппозицию правые до сих пор не поняли, что путь, приведший к путинскому режиму, начался в 1991 г., когда их партия пошла на захват власти без согласия народа. Беловежские соглашения, совершенно независимо от вопроса о том, можно ли и нужно ли было пытаться сохранить СССР, были именно таким захватом власти «за спиной» народа. И окончательно партия «демократов» утвердилась на этом пути в 1993 г., когда, расстреляв парламент, сожгла за собой все мосты.

Путин не сделал ничего особенного — он только снял леса с уже построенного здания и провел некоторые отделочные работы. А здание строил вообще не он, а Ельцин. А также все те, кто аплодировал каждому этапу стройки, а когда увидел здание без лесов, ужаснулся, ушел в оппозицию и в воспоминания о том прекрасном времени, когда они с таким энтузиазмом принялись за строительство светлого будущего. Наша правая оппозиция — это так ничего и не понявшая партия ностальгии по 1991 году, как троцкисты были так ничего и не понявшей партией ностальгии по 1917 г.

Активной силой в построении теперешнего режима были правые. Но помогали им люто ненавидевшие их левые. Если правые — партия ностальгии по 1991 г., то левые — партия ностальгии по сталинско-брежневскому прошлому. И если наши теперь оппозиционные правые так и не поняли, как возник путинский режим, а сами они оказались не у дел, то наши левые не поняли даже того, почему пал советский строй и распался СССР.

Функция наших коммунистов в построении режима была создавать заведомо нереалистическую и неприемлемую альтернативу, что-то вроде монархической альтернативы в 20-е гг. («Сталин — плохо, но все же это не возвращение царизма», «Ельцин и Путин — плохо, но все же это лучше, чем коммунисты»). И таким образом они тоже помогали создавать тот режим безальтернативной власти, который активно создавали «демократы». А сейчас, когда власть все более приобретает

традиционалистский, советский характер, левая оппозиция утрачивает смысл, так же как при Сталине стала утрачивать смысл оппозиция ностальгии по самодержавию.

В сталинское время большевики, верные идеалам 1917 г., встретились с монархистами, оставшимися верными старому самодержавию, в ГУЛАГе. Сейчас, в результате общего «смягчения нравов», личная судьба «истинных демократов» и «истинных коммунистов» может быть не столь мрачной. Но политически она — такая же.

Обе наши оппозиции внесли свой вклад в построение теперешнего режима, и теперь, как мавр, сделав свое дело, они могут уходить. Обе они — из прошлого, и обе не имеют будущего.

Это не те силы, которые могли бы решить основную, объективно стоящую перед нашей страной задачу — перейти к демократии, то есть сделать так, чтобы русские люди, никогда в своей истории не выбиравшие свою власть, стали ее избирать, как это делает весь цивилизованный мир.

Но решать эту задачу все равно придется. И смерть наших оппозиций не отдаляет, а приближает ее решение, ибо умирающие оппозиции освобождают место для каких-то новых сил, более адекватных задаче.

Пока эти силы не видны даже на горизонте. Контуры новой оппозиции еще не просматриваются. Но кое-что в ней мы можем предугадать исходя из самой задачи, которую ей придется решать.

Это должна быть не левая и не правая, а именно демократическая оппозиция. Во главе нее должны быть люди, четко понимающие, что в нормальном обществе должны быть и правые, и левые, и космополиты, и патриоты. Что демократия — это не победа одних над другими, а принятие всеми игроками общих правил игры, по которым даже очень неприятный, но избранный народом парламент так же нельзя разгонять, как даже при сильном голоде нельзя съесть своего ближнего.

Для того чтобы прийти к власти, эта оппозиция должна быть очень сильной. Естественно — партия большинства. Но это должно быть не просто большинство, а очень большое и сплоченное большинство. Хотя трудно предположить полную отмену выборов и переход к открытому авторитаризму, но ясно, что, когда наша власть почувствует реальную угрозу, она уж, во всяком случае, не остановится перед такой чепухой, как массовая фальсификация результатов выборов. Произвести первую ротацию, просто получив 51% голосов и приняв власть «на блюде», невозможно. Для того чтобы все же прийти к власти, новое демократическое движение должно обладать такой силой, чтобы парализовать сопротивление режима, как в Грузии был парализован режим Шеварднадзе.

Ясно, что создать такую оппозицию и произвести первую в российской истории ротацию власти, — задача невероятной трудности. Сейчас наш режим очень прочен и мы находимся в нулевой точке цикла, когда старой оппозиции практически уже нет, а новой еще нет. Это задача не к 2008 году, а на десятилетия, для следующего поколения.

Но даже когда произойдет это эпохальное для России событие, первая ротация власти — это еще не будет окончательный переход к стабильной демократии. Первая победа оппозиции — только начало. Надо, чтобы те, кто победит, через какое-то время были бы сами разбиты на выборах, мирно и спокойно признали бы поражение, а еще через какое-то время ушли бы и те, кто их разбил.

Только через несколько таких ротаций правила игры действительно могут быть усвоены всем обществом, и нарушить их уже никому «в голову не придет». Так что к тем десятилетиям, которые отделяют нас от победы еще не появившейся на свет оппозиции, надо прибавить по крайней мере еще одно, которое пройдет от этой победы до стабильной демократии.

Мы еще — в самом начале очень длинного и очень трудного пути. И первым шагом должно стать просто понимание того, что это за путь и что идти по нему все равно придется, ибо других путей просто нет.